

Пробуждение Брюнхильд началось с неожиданности.

На ее щеке вдруг появилось слабое ощущение.

— !..

Ее плечи содрогнулись, и она открыла глаза. Брюнхильд глянула на правое плечо, но ничего там не обнаружила.

Что это было? Задумалась она, когда увидела незнакомую сцену. Девушка находилась не в родной тусклой комнате общежития. Потолок был высоким, и вокруг выстроились книжные полки. Она заметила утренний свет.

Часы на стене оказались больше, чем в ее комнате, и стрелки на них показывали 6:30 утра. Осознав, который час, она слегка запаниковала. Ее паника повысила сердцебиение, которое смело остатки сонливости. В голове всплыл ясный вопрос.

— Где я?

Девушка находилась не в комнате общежития. Это другое место. Намного больше и теплее.

Она сосредоточила взгляд, но в обзор попадал только потолок, книжные полки и обширное пространство. Однако Брюнхильд его узнала. Ее память приняла форму слов.

— Библиотечная стойка.

Девушка уснула на стуле, а не на кровати. То, что она заснула, печка рядом с ней, и зеленое одеяло, которым кто-то ее укрыл, заставило ее осознать свою оплошность.

Но вместе с тем Брюнхильд задавалась вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как кто-то прикрыл ее одеялом. Она едва проснулась, но потянула одеяло обратно на плечо, с которого оно соскользнуло, и отдалась его теплу.

Вслед за этим девушка увидела то, что ее разбудило. На одеяле рядом с ее грудью стояла небольшая фигура.

Солнечный свет, поступающий через окно между двумя книжными полками, вместе с лампами потолка осветили птенца с синей головкой и черными крылышками.

Глаза Брюнхильд встретились с птичкой. Птенец поднял хвостик и тихонько защебетал.

Брюнхильд замерла на месте.

— Ах...

Слабый голос вырвался из губ, и ее ресницы опустились.

Она пошевелила руками, чтобы поднять одеяло, и мягко поддержала птенца сквозь ткань.

Со скрипом стула Брюнхильд поднялась. Стоя на ее руке поверх одеяла, птенец склонил головку. Он поклевал внутри своих крылышек, но в остальном находился на месте.

— Ты можешь выпрыгивать из коробки, но по-прежнему не можешь летать, не так ли?

Брюнхильд потянулась к картонной коробке.

Птенец спрыгнул с горки на одеяле прямо туда.

Состояние содержимого коробки с прошлой ночи изменилось. В блюде для еды теперь насыпали крохотных желтых зерен.

Это просо. Зигфрид рассыпал его для птиц утром, и, похоже, птенец уже немного поклевал, пока Брюнхильд спала. Однако он глянул вверх на девушку и приоткрыл свой перевёрнутый рот.

Замечание насчет птенца пришло откуда-то сбоку.

— Похоже, Вы ему весьма приглянулись.

Этот низкий голос сопровождал белый бумажный стаканчик в вытянутой руке. Из сосуда исходил пар и слегка кисловатый запах. Там находилось кофе.

Брюнхильд повернулась к человеку, державшему стаканчик.

Рядом с ней стоял высокий пожилой мужчина — Зигфрид. Он кивнул.

— После того, как это выпьете, возьмите своих птенца с котом и уходите, — произнес он, делая упор на то, что она должна идти.

Старик поставил стаканчик на стойку.

Он повернулся к ней спиной, потушил печку и начал разбирать вещи под стойкой.

Брюнхильд накинула одеяло на стул и разбудила черного кота, свернувшегося калачиком под ним. Кот поднялся и осмотрелся по сторонам. Его спящие глаза повернулись к спине Зигфрида.

Затем он кивнул и постучал по ноге Брюнхильд.

Кот указал передней правой лапой на Зигфрида перед тем, как соединить лапы вместе, словно в молитве.

Брюнхильд кивнула и встала.

— Эм, — пробормотала она себе под нос. Девушка дотронулась до лица и обнаружила, что сохраняла свое неизменное невозмутимое выражение. Ее волосы растрепались, но она решила, что это в допустимых пределах. Брюнхильд подхватила стаканчик со стойки и отхлебнула кофе.

Девушка испытала себя так, будто впервые за долгое время вкусила настоящую еду или напиток. Остатки ее напряжения оставляли во рту странный привкус железа, но кофе смыло его прочь.

Его вкус, похоже, согрел ее тело. Выпив кофе до дна, Брюнхильд осознала, что на доньшке оставался сахар. Но она ничего не могла с ним поделать, потому что у неё не было ложки. Девушка едва не наградила горькой улыбкой согнутую спину, продолжавшую копать под стойкой.

— ...

Брюнхильд вернула свое привычное выражение лица. Стаканчик издал легкий звук, когда она поставила его на стойку. Брюнхильд знала, что ей следует сказать.

— Я извиняюсь за... прошлую ночь.

— Вы имеете ввиду Ваш неожиданный визит?

— Не только это, — ответила Брюнхильд вопросу от спины. — Но и то, что Вам пришлось меня согреть после того, как я заснула, и вы дали мне суп...

— Моя помощь подошла к концу к тому времени, как Вы уснули. Можете не волноваться. Вы попросили меня помочь. В ту минуту всё, что вам оставалось, это уснуть.

При этих словах Зигфрид подобрал какие-то документы.

Когда он медленно обернулся, Брюнхильд негромко отступила. Однако нечто столкнулось с задней частью ее голени. Это спина черного кота.

Брюнхильд перестала отступать. Она остановилась прямо напротив Зигфрида. Он был на две головы выше нее. Брюнхильд взглянула в его голубые глаза. В них не виднелось никаких эмоций, и девушка осознала, что взгляд его глаз такой же, как и у нее.

Она ощутила опасность. Не от него, а от ее прошлого. Поддерживать эмоциональную связь еще сильнее может быть опасно.

И поэтому она опустила голову, отводя взгляд.

— Большое Вам спасибо.

Брюнхильд задумалась, что ей делать дальше. Во-первых, она поднимет голову. Во-вторых, подхватит коробку с птенцом. В-третьих, она развернется. В-четвертых, по привычке пнет черного кота. И в-пятых, она выйдет за дверь. И вот так девушка начала воплощать в жизнь свой план.

Но ее неожиданно остановило на первом же шаге.

— А...

Когда девушка начала поднимать голову, что-то большое мягко надавило на нее сверху.

Это рука Зигфрида. Он гладил ее по голове.

— Ты хорошо справилась.

Она ощутила, как при его словах её щеки краснеют, и это чувство пронзает ее волосы.

— П-пожалуйста, прекратите.

Брюнхильд покачала головой и, чтобы избавиться от его руки, попыталась поместить ладони на голову. Девушка поспешно положила руки на картонную коробку с птенцом, чтобы ее поднять. После чего она повернулась.

И когда Брюнхильд развернула голову, чтобы глянуть назад, то увидела Зигфрида с тем же выражением лица, что и до этого.

— Прощу прощения.

Эти слова заставили Брюнхильд осознать, почему она его избегала.

Девушка отвела взгляд, полностью развернулась к нему спиной и опустила края своих бровей.

— Нет... я просто была немного удивлена.

— Я некогда знал девочку, которой нравилось, когда я так делал.

Услышав это заявление, Брюнхильд закрыла глаза.

— ...Зонбург-сан? — произнесла она.

— Слушаю Вас.

— Почему Вы решили спасти этого птенца прошлой ночью?

— Потому что...

— Вы решили спасти птенца, потому что я Вас попросила?

После того, как она прервала ответ Зигфрида своим вопросом, ее встретила непродолжительная тишина.

Брюнхильд вздохнула. Вздохнула раз, второй, третий, четвертый и пятый. На пятом вздохе она получила ответ.

— Для меня это способ искупления. Даже если это идет вразрез законам природы...

Слушая его голос, Брюнхильд открыла глаза.

— Я не хочу потерять то, что невозможно вернуть.

Брюнхильд слегка шевельнулась на эту фразу. Она поднесла руки с коробкой ближе к груди и направила к двери.

Незаметно для нее самой сила покинула ее тело.

Задумавшись, почему же, Брюнхильд достигла двери и открыла ее.

Голос Зигфрида догнал ее сзади:

— Если случится еще что-нибудь, или Вам понадобится на некоторое время уйти, Вы можете оставить птицу со мной.

Брюнхильд кивнула и вышла в коридор. Она закрыла за собой дверь. Это коридор школы, но было раннее утро весенних каникул. Вход тускло освещался, а в воздухе стоял холод.

Тьма и зыбкость пробудили ее тело быстрее, чем разум.

И даже когда ее тело проснулось, в нем по-прежнему ощущалась слабость.

Брюнхильд вздохнула. Она направилась в центральный холл и прислонилась к стене. Девушка ощущала прикосновение коробки к груди и холодную стену за спиной. Чирикание птенца и прохлада на спине вызвали в теле дрожь.

К её ногам подошёл кот.

— Ты в порядке? Может, тебе стоит отдохнуть в комнате изобразительного искусства, вместо того, чтобы возвращаться в общежитие.

— Возможно, — произнесла Брюнхильд, кивнув.

Девушка втянула воздух, глянула на потолок, открыла рот и выпрямила горло.

Я выгляжу как птенец, выпрашивающий еду, подумала она.

Брюнхильд набрала воздуха в легкие и поразмыслила, почему ее тело чувствовало себя так устало.

Она не знала.

Но она понимала одну вещь: Зигфрид.

— Искушение...

Брюнхильд закрыла глаза и рот и опустила лицо.

Она отгородилась от всего, но задумалась всем своим сердцем. Она задумалась над тем, что узнала после шестидесяти лет.

Он совсем ничего не позабыл.

Большие часы на школьной стене показывали девять часов утра.

Из-за весенних каникул звонок не прозвучал. Вместо него можно было услышать звук мотора мотоцикла.

Черный прогулочный мотоцикл пересек центральный вход и двинулся дальше к парковке за общежитиями. На нем ехала парочка — Изумо и Казами.

Двигатель мотоцикла сбавил обороты, когда поравнялся с шеренгой школьных корпусов. С коричневым плащом, развевающимся на ветру, Изумо сжал сцепление, позволив двигателю реветь. Он поставил стопу на землю и уменьшил скорость.

Изумо снял шлем правой рукой и пробормотал без конкретного адресата:

— ...Выходит, упрямство оставит тебя без сна.

— Прости, что вынудила тебя поехать со мной, — произнесла Казами, расположившись в тандеме с ним.

Изумо остановил мотоцикл и развернулся. Девушка, одетая в теплую безрукавку и мужскую кожаную куртку, держала шлем вместе с рюкзаком.

Лицо Казами взидало на него с легко нахмуренными бровями. Несмотря на это, на ее губах сияла улыбка. Увидев ее лицо, Изумо еще раз глянул вперед.

— Ладно, я залипну с тобой, пока мы не договоримся.

— Прости. По-моему, все так и останется, пока Саяма не определится.

— Нет, правда, меня совсем не напрягает. Твой друг успеет подготовить новую песню для Фестиваля Всеобщего Отдыха в мае? А то мы уже печатаем плакаты для соревнования школьных групп.

— У нас и так хватает песен в запасе. И, если что, я могу сгонять домой и выпросить помощь у

отца, так что все будет отлично.

— Правда?

Бросив взгляд назад, Изумо увидел кивок Казами и смену выражения ее лица. Ее брови слегка приподнялись и глаза посмотрели прямо на него.

— Друзья — это важно, но сейчас есть кое-что поважнее. Давай начнем отсюда.

— Путь Левиафана?

— Да. Как тем, кто уже в этом завяз, не нужно ли нам кое-что ему показать?

— Ну да, я могу придумать парочку вещей, что он был бы не прочь увидеть. Например... Оу, стой! Я еще ничего не сказал!

— Тц. Ты становишься умнее.

Казами опустила правый кулак, что занесла для того, чтобы разделаться с Изумо.

Она вздохнула. С ее поникшего плеча соскользнул ворот куртки.

На открывшемся правом плече показалось нечто помимо кожи.

Изумо потянулся рукой без предупреждения. Он поместил ладонь на слегка прохладную ключицу Казами.

— Ах... Что там?

Казами слегка поежилась, прижимая к себе рюкзак и шлем, но Изумо быстро переместил руку к ее плечу. Когда девушка глянула на него с встревоженным выражением, он показал ей то, что держал между пальцами.

Это был маленький желтый цветочный лепесток.

— ...

Выражение лица Казами омрачилось, когда она увидела его цвет и форму. Она немного опустила глаза и ее брови поникли.

Изумо вздохнул.

— Чисато.

— Хм? Ч-чего?

Когда девушка приоткрыла рот, чтобы заговорить, Изумо неожиданно засунул туда палец с цветочным лепестком.

— Мм! — Казами хватанула ртом воздух, после чего проглотила цветочный лепесток.

Изумо вытащил палец и сказал:

— Слушай. Такой мрачный вид совсем тебе н... Ай-ай-ай! Проклятье, а вот это вполне в твоём духе!

— Заткнись! Ты чего внезапно это сделал?!

— Тебе не нравится, когда внезапно? Ладно, в следующий раз я спрошу разрешения.

— Дело! Вовсе! Не! В! Этом!

Повторяющиеся удары Казами звучали в стаккато[□]Стаккато — музыкальный штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто, отделяя один от другого паузами.. Она ударила ему в грудь, когда его голова высунулась вперед — заехала слева в лицо обратной стороной левой руки, врезала в его незащищённый правый фланг хуком и заготовила апперкот с левой.

— Оу?

Но на этом она остановилась. Изумо перевел дух в ожидании неминуемого апперкота.

— Х-хех? Что-то как-то малова... нет, я хотел сказать, в чем дело, Чисато?

— Я услышала орган, — ответила Казами, указывая на общий корпус 2-го года обучения, задняя часть которого открылась перед их взором.

Изумо повернул ухо в ту сторону и осознал, что тоже может его слышать. Он исходил из музыкальной комнаты на втором этаже здания.

— Это Silent Night? Его частенько оттуда слышно. В этой комнате что, плохая звукоизоляция,

или что-то такое?

— В какой это музыкальной комнате будут проблемы со звукоизоляцией? Гляди, окно открыто.

Изумо глянул в направлении второго этажа, и окно музыкальной комнаты было действительно распахнуто.

— Видишь? — сказала Казами. — И в комнате музыки и в комнате изобразительного искусства на деле превосходная звукоизоляция. Мы пользуемся музыкальным классом для репетиций, так что я знаю.

— Ты так говоришь, но мы явно слышали ту птицу сверху, когда сидели вчера в Библиотеке Кинугасы.

— Должно быть, через вентиляцию. ...Ты ничего не слышишь сверху, потому что в библиотечной каморке всегда тихо. — Взгляд Казами остановился на третьем этаже. — Как необычно. Одна из штор в комнате изобразительного искусства открыта. ...А, это черный кот Шильд.

Заинтересованный словами Казами более чем достаточно, Изумо повернул взгляд к окну комнаты изобразительного искусства на третьем этаже. На подоконнике в одиночестве сидел черный кот. Он, скорее всего, их не замечал. Казами сжала свой шлем у груди.

— Какой милашка. Такой вот котик просто идеально подходит для совсем отмороженной немецкой девочки вроде Шильд.

— Мне кажется, твои слова звучат более отморожено...

В миг, когда Изумо повернул взор на Казами, она открыла рот и расширила глаза от изумления.

Изумо проследил за ее взглядом, направленным на окно комнаты изобразительного искусства, и обнаружил, что шторы закрылись.

— К-к-к-каку?

— Что?

— К-кот только что задвинул шторы. Он их задвинул. Реально!

— Как?

— О-он встал, схватил их лапами и потянул вот так.

— Понятно. ...Ты, наверное, переутомилась, Чисато.

Не говоря больше ни слова, Изумо глянул прямо перед собой, оттолкнулся от земли и повел мотоцикл вперед.

— Что ж. Пора нам домой и в кроватку.

— Прошу, поверь мне!!

Пока спина Изумо содрогалась под непрерывными ударами, он пробормотал с раздраженным выражением:

— Будто это так странно для того мира, где мы живем.

Саяма прибыл в интегрированный госпиталь ИАИ, расположенный на противоположном от ИАИ берегу реки Тама.

От вестибюля ИАИ появилась Синдзё и привела его к центральному из пяти строений, составляющих госпиталь. Девушка показала пропуск у приемной, и затем их провели к лестнице сбоку.

Они спустились где-то на пять этажей и пересекли несколько барьеров, открывавшихся перед ними. Достигнув лестницы, которая расходилась в разные стороны, Саяма спустился за Синдзё налево. Там они обнаружили...

— Комната? Это зал ожидания, ведущий в обширный холл?

В конце лестницы находилась небольшая бетонная комната, и за ней открылось темное пространство.

На северном конце располагался большой лифт, но, судя по экрану, он не поднимался на первый этаж. Он двигался вниз от В3 до В7.

Саяма хмуро посмотрел на атмосферу в зале. Нос Баку подергивался с того места, где зверёк сидел на плече парня.

Саяма узнал запах в зале. Это был запах ладана. Совсем недавно он уже ощущал его на

похоромах своего деда.

И еще он мог слышать шум кондиционера.

Как запах, так и шум исходили от темного пространства за пределами зала.

В зале находилась каменная раковина с проточной водой, урна для мусора рядом с ней и диван для ожидания. В урне виднелись высокие увядшие цветы и белая ткань.

— ...

Синдзё развернулась в центре комнаты и глянула на Саяму. Она сняла свою коричневую куртку, открыв черную блузку и черные брюки под ней. Только шарф на ее шее оказался белым.

— Э-эм. Я тут второй раз, но... ну... это...

— Тебе не нужно объяснять. Если бы ты предупредила, что мы отправимся сюда, я бы одел траурную одежду.

— Ооширо-сан сказал привести тебя сюда перед переговорами. Он поднял большой палец вот так.

— Вот почему на тебе сегодня нет лица? Ты, похоже, совсем не слушала, когда я рассказывал о прибытии твоего брата.

— О, т-так и есть. Прости. Вот, возьми.

Из внутреннего кармана куртки, свисавшей с ее руки, Синдзё вытащила черный галстук и небольшой пластиковый пакет. Галстук был для похорон, а внутри пакета находились...

— Это вещи, что были у меня позавчера.

Там лежали мобильный телефон ИАИ, который мог записывать аудио и видео микрофоном и камерой, портативный цифровой диктофон и черный кожаный чехол для печати.

— Мне сказали, что ручки и сломанные часы отправили на анализ.

Саяма сперва взял и открыл пластиковый пакет. Батарея портативного диктофона села.

— Его что, кто-то случайно включил?

Он засунул его в карман вместе с мобильником и печатью, перед тем как поместить пластиковый пакет на диван.

Саяма мгновенно снял свой нынешний галстук и взял черный галстук у Синдзё.

Он наклонил голову, завернул галстук на шее и завязал.

— Ой, малость криво.

Синдзё подошла к нему и схватила галстук.

Пока она поддерживала узел на месте правой рукой, кольцо на ее пальце слегка блеснуло. Девушка подправила галстук, шагнула назад, выдала небольшой стон и поправила его еще раз. Двигая основание галстука, она задала вопрос.

— Как там Сецу?

— Похоже, сегодня утром он решил съездить домой. Его уже не было, когда я проснулся.

— Оу, эм, я не это хотела сказать. Что ты о нем думаешь?

— Я стараюсь не говорить о людях за их спиной.

Это вызвала горькую улыбку на лице Синдзё. Она погладила по голове Баку, который сидел у Саямы на плече.

— Это так на тебя похоже, Саяма-кун.

— Разве? Ну, есть пара человек, к которым это ограничение не относится. Изумо и старик, к примеру.

— И это тоже на тебя похоже, — произнесла Синдзё, усмехнувшись. Затем, она спросила, — Сецу сказал, что ты странный человек.

— Оу, это, наверное, потому что я неожиданно стал проверять его тело. Возможно, для этого было немного рановато.

— Хотела бы я знать, что это «немного» означает...

— Не переживай об этом. Я поступил так потому, что думал, что Сецу-кун мог быть тобой.

— Э? — переспросила Синдзё.

Саяма ответил:

— Прошлой ночью я думал о том, чтобы снять с Сецу-куна нижнее белье во сне, чтобы проверить, не является ли он тобой.

— С-Саяма-кун? ...Ты что, больной?

— Как грубо. ...Что если я спрошу, почему ты завязываешь мой галстук с улыбкой на лице?

— А мне не позволено этого делать? И, ну, Сецу — парень. Ты понимаешь, что это значит, правда?

— Конечно понимаю. И я только-только его встретил. Вот почему у меня есть просьба к тебе.

— Э? Какая?

— Прошлой ночью, я запомнил очертания ног и зада Сецу-куна. Я бы хотел сравнить их с твоим телом, чтобы я мог...

До того, как он успел договорить, его галстук затянулся до предела.

Пару минут спустя Саяма и Синдзё поклонились в приветствии и вошли в следующий зал. Он был весьма обширным. В четыре ряда и пять столбцов расположились каменные платформы. Семь из них в данный момент использовались.

Шесть были накрыты белой тканью и одну покрывала черная.

У каждого покрывала поместили цветы. Однако одну платформу с белой тканью украсили светло-фиолетовым цветком, который Саяма не узнал.

— Это Примула Модеста. Они растут в цветнике UCAT. Сибил, отвечающая за связь, подобрала их рано утром. Ты же еще не встречался с ней, Саяма-кун? ...Я уверена, эти цветы от нее.

— Ясно. Кто эти шестеро?

— Члены отряда наступления. Они преследовали того оборотня. Их обычная обязанность заключается в охране, но из-за чрезвычайной ситуации они попросили, чтобы выдвинули их. Это входит в обязанности UCAT — захват подозрительных личностей и радикалов.

И чтобы узнать, во что это вылилось, достаточно взглянуть перед собой, — подумал Саяма.
— Вот почему Синдзё-кун попросила меня отказаться от Пути Левиафана.

Синдзё вытащила из заднего кармана штанов закрытую упаковку с ароматическими палочками и зажигалку. Дешевая и поношенная зажигалка принадлежала Ооширо. Его имя и предполагаемое местоположение («На телевизоре») были написаны маркером.

Девушка ее зажгла.

Они оба поместили ароматическую палочку рядом с огнем и сложили руки вместе у каждой из шести каменных платформ.

— У нас есть разрешение от семей этого и вот этого, так что ты можешь на них взглянуть.

— Вот как.

Саяма еще раз сложил руки вместе, после чего поднял ткань. Он не колебался и не выказывал удивления. За время, проведенное с кланом Тамия и его дедом, ему доводилось видеть подобное несколько раз.

Но впервые парень увидел тело, которое порвало на куски животное.

Первое тело выглядело так, словно область снизу шеи справа налево выкорчевали лопатой. Ее, должно быть, вырубил некачественным клинком, потому что среди почерневших складок плоти виднелись белые осколки костей.

На втором теле не было видимых внешних ран, кроме трех крупных и небольших кровоподтеков на голове. Однако шея и живот осели, словно спущенный воздушный шар. Эту область, должно быть, раздробили мощным ударом.

Саяма накрыл тело тканью и снова сложил руки вместе. Синдзё рядом с ним сделала то же самое.

Девушка сказала, что для нее это второй раз, но ее лицо побледнело. Саяма же не выказывал беспокойства.

В этом месте царила смерть.

Синдзё окинула взглядом ткань, скрывающую одно из тел.

— Похоже, это происшествие привело к некоторым размышлениям о нынешней системе. Конкретнее, о вступительных требованиях для специального и стандартного подразделения, о разделении труда и о том, как разбираться с подобными ситуациями, если они повторятся.

— Если кто-нибудь умирает, как оповещают его родственников?

— Официальные сотрудники якобы находятся за границей, так как пребывают на военной службе. В этом случае родственникам сообщают, что произошел несчастный случай, когда они караулили в опасной части мира. Что же до родственников в составе UCAT — то им просто говорят правду.

— А что если погибнет ученик вроде Казами?

— Она не связана с UCAT или ИАИ, поэтому сообщат, что был несчастный случай. — Синдзё глянула на Саяму, — Ты сердишься?

— Разумеется нет. Это в порядке вещей для корпорации — пытаться себя защитить. И... с подобными конфликтами люди никогда не поймут, если ты попытаешься рассказать им правду. Я уверен, что UCAT каждой страны сотрудничает с правительством и корпорациями, дабы сохранить определенную информацию в тайне.

— Так и есть, — кивнула Синдзё.

Затем девушка повернулась к оставшейся плите. Ее покрывала черная ткань, и она размещалась подальше от остальных.

Саяма догадался, кто находится под этой тканью.

— Там тот оборотень, с которым мы столкнулись позавчера?

— Да, — подтвердила Синдзё.

Она передала Саяме кусочек ткани, который вытащила из заднего кармана. Это был белый пергамент. На нем виднелись буквы, написанные черной краской.

— Помещать это возле тела при первом визите — традиция 1-го Гири.

Саяма присмотрелся и увидел, что несколько кусочков ткани уже поместили у ног, тогда как цветы сложили у головы.

Пока Саяма возлагал ткань, Синдзё опустила палец в стеклянный стакан с водой, стоявший рядом с цветами. Она позволила каплям влаги скатиться на ткань, покрывающую грудь.

Саяма проделал то же самое.

Пока холодные капли воды стекали вниз, его взор задержался на расположении цветов.

Помимо белых цветов, которые поместили и у остальных шести, там лежало два букета желтых хризантем. По количеству упавших цветочных лепестков Саяма сделал вывод, что один букет принесли накануне, а второй — сегодня.

Вода в чашке была холодна и не содержала осадка или пузырьков.

...Выходит, кто-то должным образом за этим следит.

Вдруг его глаза переместились на стебли возложенных хризантем. На каждом цветке виднелась прямая горизонтальная царапина довольно высоко на стебельке.

Саяма вздохнул, когда увидел тонкий водянисто-зеленый цвет царапин.

— Что такое, Саяма-кун?

— О, похоже, меня повсюду окружают одни лишь мягкосердечные люди. Но раз такова их воля, я ничего не имею против.

— Э? — спросила Синдзё, наклонив голову.

— Не переживай об этом, — ответил Саяма.

Он положил руку на черную ткань.

— У нас есть разрешение по поводу него?

— Да, мы получили его как от мирной фракции, так и от тех, кого захватили вчера. ...Фракция Королевского Дворца, так вроде их звали?

— Понятно, — произнес Саяма, кивнув.

Они, вероятно, желали пойти на переговоры без каких-либо секретов.

Парень сложил руки вместе, поклонился и поднял ткань.

В своей голове он представлял выражение лица оборотня, которое стало завершением их позавчерашней схватки.

...Что я буду делать, если оно по-прежнему там?

Саяма не колебался и не выказывал удивления. Он просто опустил ткань вниз с этим вопросом в голове. Однако...

— Человек?

Под тканью находился темноволосый мужчина-иностранец. Он обладал короткими, неряшливыми волосами и угловатым лицом. Его глаза были закрыты, отчего он походил на спящего.

Саяма услышал, как Синдзё произнесла:

— Оборотни 1-го Гира превращаются в волков в минуты напряжения. И они возвращаются в норму, когда это напряжение проходит. Они не могут превращаться в волков под концептами Лоу-Гира, но в его желудке был обнаружен философский камень, сделанный из уменьшенной копии концепта письма 1-го Гира. ...Ты можешь разглядеть следы того сражения?

Саяма пригляделся и обнаружил, что губы мужчины были разделены, и в центре его груди виднелись колотые раны. Область вокруг них была выжжена. Это определенно вызвали шариковые ручки Саямы.

Его левый и правый бок прорезала линия, шириною в визитную карточку. Это был след от снайперского выстрела Казами.

— По-видимому, мирная фракция дала разрешение стрелять на поражение, когда они узнали о ситуации.

— И в итоге он покончил с собой... он, должно быть, знал, что у него не осталось союзников.

Саяма накрыл обратно тело погибшего.

Он поклонился и осмотрелся по сторонам. В этом тихом, тускло освещенном зале лежали семь человек, которых уже не вернуть.

...И то же самое может произойти со мной.

Он на миг задумался, и следом пришел одинокий вопрос. Это может произойти с ним, но если этого не произойдет...

— Это может произойти с кем-то другим...

— Э?

Едва раздался вопросительный голос Синдзё, она и Саяма переглянулись.

Саяма взглянул в черные глаза Синдзё, и его посетила внезапная мысль:

Выберет ли Синдзё поле боя, на котором может умереть?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274194>